

Фурманов И.А.
Белорусский государственный университет, Республика Беларусь
г. Минск
Профессор, доктор психологических наук
fourmigor@gmail.com

УДК 316.64

ВЛИЯНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ ЧЕРТ АГРЕССИВНОСТИ И ЭМПАТИИ НА НАСИЛЬСТВЕННЫЕ АТТИТЮДЫ

Проведенное исследование позволило определить влияние показателей агрессивности и эмпатии как личностных черт на насильственные аттитюды в социальных отношениях. Наиболее значимое влияние на насильственные аттитюды мужчин оказывает сочетание враждебности и физической агрессии, а женщин – физическая агрессия. Гнев как эмоциональный компонент агрессивности не влияет на насильственные установки. Отсутствие эмпатической заботы является основным фактором, детерминирующим установки в отношении телесных наказаний детей и супружеского насилия у мужчин, а также в отношении военного насилия, смертной казни, телесных наказаний детей и супружеского насилия у женщин. Эмпатия как личностная черта не влияет аттитюды в отношении военного насилия и наказания преступников у мужчин, а также аттитюды к наказанию преступников у женщин.

Ключевые слова: агрессивность, аттитюды в отношении насилия, эмпатия.

THE INFLUENCE OF PERSONALITY TRAITS OF AGGRESSIVENESS AND EMPATHY ON VIOLENT ATTITUDES

The study made it possible to determine the influence of indicators of aggressiveness and empathy as personality traits on violent attitudes in social relations. The most significant influence on violent attitudes of men is a combination of hostility and physical aggression, and women – physical aggression. Anger as an emotional component of aggressiveness does not affect violent attitudes. Lack of empathic care is the main factor determining attitudes towards corporal punishment of children and marital violence in men, as well as military violence, the death penalty, corporal punishment of children and marital violence in women. Empathy as a personality trait does not affect attitudes towards military violence and the punishment of criminals in men, as well as attitudes towards the punishment of criminals in women.

Keywords: trait aggression, attitudes towards violence, empathy.

Введение. Согласно существующим в социальной психологии представлениям о феномене социальных установок, насильственные аттитюды можно определить, как оценочные суждения о какой-либо ситуации или объекте, которые выражаются в определенной когнитивной, эмоциональной и поведенческой реакции готовности к агрессии и насилию, основанной на непосредственном восприятии некоторого стимула как насильственного (агрессивного, угрожающего). Совершенно очевидно, что аттитюды зависят от предыдущего опыта взаимодействия со стимулом, либо полученных знаний о нем.

Анализ актуального проблемного поля социальных и политических информационных ресурсов показывает, что наиболее обсуждаемыми темами являются насилие в ходе военных действий, суровость наказания преступников, порицание или одобрение смертной казни, семейное насилие.

Однако, обзор проведенных в этом направлении исследований, позволил сделать заключение, что все предыдущие исследования насильственных аттитюдов носят локальный характер и не дают целостного представления об отношении к насилию

в наиболее актуальных сферах социальных отношений. Кроме того, в статье впервые изучаются гендерные различия в предикторах насильственных аттитюдах с точки зрения личностной детерминации.

В связи со всем вышеизложенным, нами была предпринята попытка решения двух эмпирических задач: а) определить влияние личностных черт агрессивности и эмпатии на аттитюды в отношении насилия и б) выявить гендерные различия в прогнозных показателях агрессивности и эмпатии относительно насильственных аттитюдов.

Дизайн исследования. Инструментарий. Для определения аттитюдов в отношении насилия применялась методика «Опросник насильственных установок», разработанная И.А. Фурмановым, М.В. Апанович [1] в котором представлены шкалы: «Военное насилие», «Наказание преступников», «Смертная казнь», «Телесные наказания детей», «Супружеское насилие». «Опросник агрессивности» (AQ) А. Басса и М. Перри, адаптированный И.А. Фурмановым [2] и включающий четыре шкалы: «Физическая агрессивность», «Вербальная агрессивность», «Гнев», «Враждебность». Опросник «Межличностный индекс реактивности» (IRI) М. Дэвиса, адаптированный Т.Д. Карягиной и Н.В. Кухтовой [3] и содержащий четыре шкалы: «Децентрация», «Сопереживание», «Эмпатическая забота», «Личный дистресс».

Выборка. В исследовании принял участие 731 респондент (377 мужчин, 354 женщины). Средний возраст $17,69 \pm 2,03$.

Статистика. Для статистической обработке применялся множественный регрессионный анализ с использованием пошагового метода (F – критерий Фишера, t – критерий Стьюдента, p – уровень их статистической значимости, коэффициенты множественной корреляции (КМК) и множественной детерминации (КМД)).

Результаты и их обсуждение. Агрессивность. В результате исследования было установлено, что мужчины и женщины, склонные к использованию физической силы против другого лица, и мужчины, характеризующиеся завистью и ненавистью к окружающим, чувством обиды на весь мир за действительные или мнимые страдания, подозрительностью, недоверием и осторожностью по отношению к людям, убеждены в том, что телесные наказания являются эффективным средством социализации ребенка и супружеское насилие допустимо, если ему есть оправдание. В частности, они верят в то, что:

- любые правонарушения и серьезные проступки детей, постоянное непослушание ребенка, его вспыльчивость и дерзость должны быть физически наказаны;
- физическое наказание ребенка, когда он этого заслуживает, будет ребенку уроком, сделает его в будущем более ответственным и зрелым.
- позволительно ударить супругу/супруга, если она/он флиртует с кем-то другим или за измену;
- использование физической силы возможно в ситуациях насилия, конфликта, оскорбления и насмешек;
- семейный статус необходимо утверждать и поддерживать с помощью насилия.

Кроме того, враждебные мужчины и женщины, склонные к физической агрессии будут более благосклонно относиться к военному насилию, суровому наказанию преступников и одобрять применение смертной казни. Вероятно, они скорее позитивно относятся к таким идеям как:

1. *Оправданность войны в оборонительных целях.*

- каждая страна должна постоянно иметь боеспособную армию, иметь военную промышленность для производства оружия;
- война в целях обороны своей страны является справедливой и любая страна имеет право на вооруженную защиту своих границ, поэтому применение военной силы в отношении противника должно быть неотъемлемой частью оборонной политики любой страны;

– в случае общественных беспорядков правительство может использовать вооруженную милицию и солдат для пресечения массовых беспорядков и сдерживания насилия.

2. Суровость наказания преступников.

– насильственные преступления должны быть жестоко наказаны, поскольку люди будут воздерживаться от проявлений насилия, если они будут уверены в неотвратимости последующего наказания;

– угроза серьезного наказания или высшей меры наказания является единственной мерой, способной предотвратить проявления насилия, и снизить численность насильственных преступлений;

– хорошее поведение не является поводом для освобождения преступников из тюремного заключения, поскольку лишение свободы оказывается поучительным примером, способным «отбить охоту» у других людей проявлять агрессию.

3. Оправданность применения смертной казни.

– смертная казнь должна быть частью уголовного кодекса любой страны;

– в справедливом обществе смертная казнь является необходимым видом наказания;

– смертная казнь является допустимым и справедливым наказанием за преступления, совершенные с особой жестокостью;

– люди, неоднократно совершившие преступления, должны приговариваться к смертной казни.

Обращает на себя внимание факт, что гнев как эмоциональный компонент агрессивности (склонность к раздражению, готовность к проявлению агрессии при малейшем возбуждении, вспыльчивость, резкость, грубость) не является предиктором насильственных установок, как у мужчин, так и у женщин.

Эмпатия.

Определено также, что отсутствие эмпатической заботы, которая предполагает проявление чувства теплоты, сострадания и беспокойства о других людях, симпатию и сочувствие к несчастью других, жалость, сострадание, желание помочь, являются ключевыми прогностическими показателями установок в отношении телесных наказаний детей и супружеского насилия у мужчин, а также в отношении военного насилия, смертной казни, телесных наказаний детей и супружеского насилия у женщин.

Парадоксальным на первый взгляд выглядит то что сопереживание у мужчин является предиктором позитивного отношения к применению смертной казни. Высокие показатели сопереживания, в первую очередь, свидетельствуют о выраженной тенденции к воображаемому перенесению себя в чувства и действия другого человека, конкретнее – способность встать на место вымышленного персонажа и чувствовать то, что чувствует вымышленный персонаж [3].

В отличие от мужчин у женщин предиктором насильственных установок в отношении смертной казни является децентрация. Децентрация – это склонности воспринимать, понимать и учитывать точку зрения и опыт других людей в повседневной жизни. Такая способность поставить себя на место другого человека представляет собой когнитивный процесс, который включает возможность в воображении поместить себя на место другого человека, реконструировать его состояние и ситуацию, что в результате облегчает, например, прощение и повышает эффективность социального взаимодействия. Согласно исследованиям, способность поставить себя на место другого человека через понимание его чувств больше способствует альтруистической помощи, чем при рациональном понимании его мыслей. Быть способным понять эмоции других больше влияет на альтруизм личности, чем способность понять мысли других [3]. Исходя из этого, можно предположить, что женщины скорее отождествляют себя не с преступниками, к которым они не испытывают сочувствия и сострадания (отсутствие эмоциональной заботы), а с жертвами преступлений.

Вероятно, именно поэтому они будут ратовать за применение смертной казни в отношении жестоких преступников и рецидивистов.

Низкая способность мужчин к сопереживанию, т.е. перенесению себя в чувства и действия своей супруги, также является предиктором аттитюдов в отношении супружеского насилия. В некоторых исследованиях утверждается, что если индивид не способен к сопереживанию и таким образом опосредованно не переживает по поводу последствий своих действий по отношению к другим, то этот индивид будет в большей степени склонен причинять другим боль и менее склонен помогать им. Таким образом, эмпатия выступает в качестве «защитного барьера» против агрессии; эмпатия обеспечивает немедленную обратную связь, которая препятствует агрессивным действиям, заставляя человека осознавать и, возможно, сочувствовать страданиям другого человека.

Следует также отметить, что ни один из показателей эмпатии не является предиктором аттитюдов в отношении военного насилия и наказания преступников у мужчин, а также аттитюдов к наказанию преступников у женщин.

Заключение. Проведенное исследование позволило определить личностные предикторы аттитюдов в отношении насилия, а также выявить гендерные различия в прогнозных показателях агрессивности и эмпатии относительно насильственных аттитюдов. На основании полученных результатов были сделаны следующие выводы:

1. Ключевыми факторами, оказывающими влияние на формирование насильственных установок для мужчин является сочетание враждебности и физической агрессии, а для женщин – физической агрессии. Враждебность и физическая агрессия мужчин в наибольшей степени определяет силу аттитюдов в отношении телесных наказаний детей и супружеского насилия. У женщин интенсивность этих же аттитюды детерминируются показателями физической агрессии.

2. Враждебные мужчины и женщины, склонные к физической агрессии более благосклонно относятся к военному насилию, суровому наказанию преступников и одобряют применение смертной казни.

3. Гнев как эмоциональный компонент агрессивности не определяет наличие насильственных установок, как у мужчин, так и у женщин.

4. Отсутствие эмпатической заботы являются основными прогностическими показателями установок в отношении телесных наказаний детей и супружеского насилия у мужчин, а также в отношении военного насилия, смертной казни, телесных наказаний детей и супружеского насилия у женщин.

5. В отличие от мужчин у женщин наиболее значимым фактором насильственных установок в отношении смертной казни является децентрация.

6. Низкая способность мужчин к сопереживанию является предиктором аттитюдов в отношении супружеского насилия.

7. Ни один из показателей эмпатии не является предиктором аттитюдов в отношении военного насилия и наказания преступников у мужчин, а также аттитюдов к наказанию преступников у женщин.

Список использованной литературы:

1. Фурманов, И.А. Аттитюды к проявлению насилия в социальных отношениях: разработка опросника насильственных установок / И.А. Фурманов, М.В. Апанович // Психологические проблемы агрессии в социальных отношениях / И.А. Фурманов [и др.]. Брест: БрГУ, 2014. – С. 146–157.

2. Фурманов, И.А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция / И.А. Фурманов. СПб.: Речь, 2007. – 480 с.

3. Карягина, Т.Д. Тест эмпатии М. Дэвиса: содержательная валидность и адаптация в межкультурном контексте / Т.Д. Карягина, Н.В. Кухтова // Консультативная психология и психотерапия, 2016. –Т. 24. –№ 4.– С. 33–61.